

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЛУИ АЛЬТЮССЕРОМ

С. А. Ребров

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье анализируются различные проекты гибридизации материализма и политической теории в одну концептуальную систему. Особое внимание при этом уделяется критическому анализу феномена экономического материализма XIX в., который долгое время оставался единственным примером материалистического анализа политики. Последующее развитие материализма, вышедшее далеко за пределы экономического детерминизма, поставило новые проблемы в контексте возможностей материалистической политики. Автор предлагает проследить за аргументацией французского философа Луи Альтюссера в сторону философии случайного материализма, созданной самим мыслителем, в том числе с целью обоснования возможностей материалистического понимания политического. В статье последовательно разбираются предпосылки кризиса марксистской экономической интерпретации истории, которая еще на начальном этапе формирования имела крайне мало общего с философским материализмом. Дальнейшая борьба новых материалистов с идеей универсального объяснительного принципа в конечном итоге позволила им создать новый тип философского знания, не связанный с идеей универсальной истории. Фокус пристального внимания исследователя в данном случае прикован к политическому аспекту альтюссеровского материализма, касающемуся теории конъюнктуры как подлинного объекта любой материалистической политики. Наконец, автор проводит сравнения случайного материализма с рядом других направлений современной материалистической онтологии, представители которых направляют собственную критику в сторону антропологической составляющей политической теории, что, однако, фактически приводит к отрицанию данной дисциплины в принципе. Таким образом, именно альтюссеризм в совокупности со шмиттеанством оказываются единственными примерами успешного проекта создания материалистической теории политики.

Ключевые слова: материализм, случайный материализм, политическая теория, контингентность, экономизм, марксизм, Альтюссер, альтюссеризм, политическое.

Материализм и политическая теория, безусловно, генеалогически относятся к разным направлениям мысли. Среди представителей современного научного сообщества взаимоотношения между данными концептуальными системами нередко оцениваются с диаметрально противоположных позиций, что, в свою очередь, имеет прямое отношение к занимаемой тем или иным исследователем мировоззренческой позиции. В связи с распространением в начале XXI в. новых материалистических онтологий, исходное содержание которых значительно превосходит по степени охвата все предшествующие подходы к пониманию границ материальности окружающего мира, вопрос о возможностях гибридизации политической теории и материалистической философии

в настоящее время, несомненно, имеет высокую степень актуальности. В связи с этим автор данной статьи предлагает сфокусироваться не столько на исторических примерах взаимной обусловленности материализма и политической теории в трудах ряда великих мыслителей прошлого, сколько на современных попытках создания материалистических теорий политики, к числу которых относится и учение французского философа Луи Альтюссера.

Так или иначе, в период классической античности, в основном в работах учеников Сократа, было сформулировано большинство понятий классической политической философии, которая, по выражению Л. Штрауса, занималась поиском истины о наилучшем государственном (полисном) устройстве исходя из проблемы поиска общего блага. Посредством диалога разных точек зрения античные философы, таким образом, мыслили политику в качестве практической добродетели. Последующий кризис классической политической философии, согласно Штраусу, сопровождался отказом современных (англ. modern) политических философов от поиска вневременных истин, что наиболее явным образом проявилось в учении Никколо Макиавелли (см. подробнее: [Strauss, 1958, p. 10]). Несмотря на то что в настоящее время точка зрения Штрауса часто подвергается критике со стороны профессиональных историков идей, нельзя не согласиться с его выводом о напряженности взаимоотношений между классической философией и нововременной политикой, что в контексте развития современных материалистических онтологий приобретает новое содержание.

Следует, однако, подчеркнуть, что существовали и иные подходы к пониманию задач политической теории как дисциплины. В частности, Х.Арендт придерживалась точки зрения о крайней степени напряженности отношений между философией и политикой в принципе, что автоматически наделяло политическую теорию автономным статусом по отношению к любым видам философского знания [Арендт, 2013, с. 5]. Противоположную позицию занимает американский политолог Г.Алмонд, разделивший политическую науку как эмпирическую дисциплину, основанную на методах качественного и количественного анализа данных, и непосредственно политическую теорию, которая на методологическом уровне продолжает проблематику классической философии [Almond, 1966, p. 870].

В концептуальном плане политическая теория и материалистическая философия исторически не имели общих точек соприкосновения, что также было связано с более поздним оформлением материализма как вида философской рефлексии в сравнении с возникновением политической философии в Древней Греции. Как известно, термин «материализм» был введен немецким философом Г. Лейбницем с целью обозначения последователей Эпикура и Гоббса, склоняющихся к материалистической интерпретации души. Впоследствии именно данный аспект развития материализма (в противостоянии со спиритуализмом как с идеей автономии человеческой души по отношению к физическому телу) являлся точкой объединения сторонников данного типа мировоззрения [Ветушинский, 2018, с. 19–20]. Стоит, однако, подчеркнуть, что материалисты XVIII в. (Ламетри, Гольбах, Дидро и др.) не имели какой-либо развитой социально-политической теории, напрямую вытекающей из их собственного материали-

стического мировоззрения. В лучшем случае их политические взгляды можно описать как радикально-просветительские, которые очевидным образом сформировались в противовес тогдашнему религиозно-консервативному дискурсу.

Последующая история взаимоотношений материализма и политической теории, вышедшая на совершенно иной уровень концептуальной проработки, касалась уже зарождения исторического материализма Карла Маркса, который качественным образом отличался от предыдущего типа материалистического мировоззрения. Марксистская установка на объяснение всей структуры человеческих взаимоотношений сквозь систему анализа материального производства товаров в этом отношении действительно оказалась решающим фактором в контексте оформления первой полноценной материалистической системы понимания истории и политики. Исходя из этого сам процесс восприятия экономического производства как своеобразной сущности любой социальной и политической системы человеческих взаимоотношений выступал в качестве базового основания марксистского материализма, который действительно оказался первым историческим примером материалистического взгляда на общество и государство [Маркс, 1949, с. 7].

Таким образом, неразрывное единство материализма и экономикоцентризма являлось основанием марксистской структуры взаимодействия материализма и политической теории, которая зачастую до сих пор часто воспринимается различными теоретиками по умолчанию в качестве единственного варианта материалистической политики. Вместе с этим, как справедливо указывает П. Розанваллон, экономикоцентризм как методологическая установка описания общественных структур изначально никак не был связан с материализмом и более того, был разработан теми мыслителями, которые никогда не обозначали собственное мировоззрение как материалистическое. В частности, уже в работах Дж. Денема-Стюарта можно обнаружить основания будущей марксистской формационной теории, связанной с моделью описания прямой зависимости развития политических систем в тех или иных странах от их структур производства экономических благ. Сам Стюарт исторически выделял определенную последовательность смены форм правления: рабовладельческую, патриархальную, феодальную и демократическую (см. подробнее: [Розанваллон, 2007, с. 73]). То обстоятельство, что Маркс заимствовал положения данной концептуальной системы, обозначив собственное мировоззрение как материалистическое, отнюдь не означает факта изначального единства материализма и экономикоцентризма, которые в более ранний период исторически никак не пересекались. В данном ключе можно согласиться с точкой зрения Й. Шумпетера, обозначившего подход Маркса как экономическую интерпретацию истории, которая не имеет какой-либо прямой связи с материализмом. Достаточно просто принять то обстоятельство, что практика восприятия условий производства товаров как базисных детерминант любых устоявшихся социальных структур концептуально совместима практически с любой метафизической картиной мира [Шумпетер, 2011, с. 29–30].

Продолжая тему экономикоцентричности марксистской версии материалистической политики, стоит иметь в виду, что главным аргументом в сторону

критики подобной системы взаимоотношений между материализмом и политической теорией является факт несводимости материи к понятию экономического производства. Тем не менее одна из ключевых стратегий защиты исторического материализма от подобного рода критики исторически заключалась в обосновании первичности сферы удовлетворения материальных потребностей (потребность в пище, воде, одежде и т.д.) перед той же политической структурой государственных институтов, которая действительно возникла значительно позже системы производственных отношений (см. подробнее: [Лабриола, 1960, с. 145–147]).

Вместе с тем данный контраргумент обладает несколькими существенными недостатками. Во-первых, вопрос о первичности определенной сферы общественной жизни перед другими несводим к вопросу о господствующем положении данной детерминанты по отношению ко всем остальным. А во-вторых, как указывает американский философ Г.Харман, экономика как таковая при всем желании не может рассматриваться в качестве сугубо материального объекта, исключающего из собственного основания все нематериальные составляющие (вроде культурных практик отношения участников товарного производства к собственной работе). В данном ключе Харман ссылается на исторический пример Ост-Индской кампании, которую при всех допущениях не получится описать в качестве одного из многочисленных элементов единой материи [Харман, 2021, с. 28–29]. Таким образом, вопреки известному статусу первой полноценной системы соединения политической теории с философским материализмом, марксистская экономическая интерпретация истории в настоящее время не может быть названа универсальным примером гибридизации данных направлений мысли, которые в последующем потеряли концептуальную связь с экономическим детерминизмом.

В процессе дальнейшего поиска новых оснований для развития материалистической онтологии ряд мыслителей обратил внимание на существенные допущения в самих классических определениях материи и политики, возникших еще в период господства христианской схоластики. В контексте построения подлинно материалистического мировоззрения на данное обстоятельство указал Жорж Батай, критиковавший всю предшествующую традицию понимания материи как всеохватывающей тотальности, выступающей в качестве замены Бога, абсолютного духа или любой другой формы универсального объяснительного принципа [Батай, 2020]. Согласно Батаю, подлинный материализм на концептуальном уровне должен исходить из практики ускользающих концептов, рассматривающихся по аналогии со знаменитой кантовской «вещью в себе» (нем. *Ding an sich*). Другими словами, материя как таковая в этом смысле лишается статуса всеохватывающей тотальности, выступающей в качестве первопричины существующей действительности, заменяя тем самым теологическое определение создателя-творца, обладающего сознанием. Подлинно материалистическая материя с этой точки зрения способна лишь намекать на собственное присутствие, постоянно ускользая от попыток эмпирической конкретизации. Несмотря на то простое обстоятельство, что сам Батай в своем определении «базового материализма» исходил из фрейдистской категории

бессознательного, практически все последующие материалистические онтологии также использовали батаевскую модель ускользающей материи. К числу данных направлений ключевым образом относится и случайный материализм (фр. *matérialisme aléatoire*) Луи Альтюссера, основанный на мировоззренческой практике понимания материи как логики непредвиденных обстоятельств, способных к радикальному переустройству любой политической и социальной системы человеческих взаимоотношений [Althusser, 2006, p. 168].

В данном аспекте стоит обратить внимание, что антиуниверсалистский характер альтюссеровского материализма однозначно шел вразрез с экономическим материализмом Маркса, внутри которого именно структура товарного производства рассматривалась в качестве универсального объяснительного принципа любых социальных и политических изменений. В противовес такой точке зрения подход Альтюссера исходил из концепции структурной причинности (фр. *causalité structurelle*), согласно которой лишь совокупность разных факторов с крайне нестабильным приоритетом доминирующего в конкретной ситуации способна объяснить всю сложность процесса политических преобразований. Другими словами, комплекс структурированных связей отныне становился своеобразным ассамбляжем причин к пониманию эволюции конкретных обществ, которые в любой момент могут быть радикально переустроены за счет внезапного вмешательства непредвиденных обстоятельств [Althusser et al., 1997, p. 236].

Параллельно с процессом переосмысления базовых категорий внутри материалистического направления мысли в политической теории также происходили большие изменения, связанные с поиском новых подходов к определению политики и политического как некоторого онтологического основания любой политической власти (см., например: [Mouffe, 2005, p. 9–10]). Необходимость разделения политики и политического как понятия, выходящего далеко за пределы классической политической философии, стала особым образом очевидной в процессе появления новых политических субъектов в начале XX в. (вроде массовых политических партий), деятельность которых не была связана напрямую с государством. В данном ключе одним из основополагающих сочинений, обосновывающих необходимость более широкого статуса политического как своеобразной онтологической сферы, способной к политизации любых областей общественной жизни, стала работа немецкого юриста Карла Шмитта «Понятие политического» (нем. *Der Begriff des Politischen*), содержание которой оказало существенное влияние на весь дальнейший ход развития политической теории как дисциплины. Как известно, Шмитт предложил определение политического как самой возможности внезапного разделения на друзей и врагов, чьи взаимоотношения построены вокруг конкретных вопросов антагонистического противостояния, которые теоретически могут следовать из любой иной области человеческих взаимоотношений (от религии до экономики) [Шмитт, 2016, с. 310]. Продолжая данный тезис, сам мыслитель интерпретировал любые устойчивые политические состояния в качестве закрепившихся последствий конкретных политических решений (лат. *decisio*), принимаемых в условиях антагонистического противостояния отдельных групп друг с другом. По этой

причине, как справедливо указывал П. Хирст, шмиттеанский децизионизм, основанием которого является именно политическое (а не система юридического законодательства), обладает существенным парадоксом, связанным с тем фактом, что сам политический антагонизм, являясь первопричиной любого политического действия, в конечном итоге воплощается в законченной системе стабильности и порядка [The Challenge of Carl Schmitt..., 1999, p. 12]. В этом смысле политическая теория Шмитта представляла собой широкое поле для дальнейшей рецепции представлений о природе политического как самой возможности внезапного начала антагонистических отношений. К числу дальнейших интерпретаторов и критиков шмиттовского подхода можно отнести таких крупнейших фигур западной философии XX в., как Х. Арендт, В. Беньямин, К. Лёвит, Л. Штраус, С. Жижек, Ш. Муфф и др. [Михайловский, 2008, с. 160–161].

Несмотря на то простое обстоятельство, что сам Альтюссер не был знаком с работами Шмитта (что, однако, компенсировалось в его случае влиянием политической философии К. Лефора, мысль которого исходила из схожих представлений о природе политического), нельзя не отметить, что его собственный подход к материалистической политике имел существенные черты сходства с децизионистским учением немецкого юриста. То обстоятельство, что ряд последующих учеников и интерпретаторов Альтюссера (вроде Э. Лаклау и Ш. Муфф) в поисках новых подходов к анализу современной политики стали обращаться к идеям Шмитта, говорит лишь о том, что точки пересечения между условно альтюссеррианской и шмиттеанской традициями понимания политического действительно имеют существенные основания. Не в последнюю очередь эта концептуальная связка стала возможной благодаря альтюссеровской критике магистральной линии внутри современной политической теории, связанной с поиском универсального объяснительного принципа всего политического процесса, движущегося к строго определенной цели. Материалистический аспект данной критики изначально касался телеологического содержания определенного количества политических теорий, внутренняя аксиоматика которых строилась на необходимости всеобщего движения в сторону максимально рационализованного общества, построенного на прозрачной коммуникации отдельных индивидов друг с другом.

Непосредственным началом альтюссеровской критики политической теории являлись его ранние попытки перестройки материалистической интерпретации истории К. Маркса, которую сам мыслитель в середине 1960-х годов рассматривал как однозначно истинную, что, однако, осложнялось ее вульгарной интерпретацией со стороны сторонников гуманистических и экономических направлений в тогдашнем марксистском дискурсе [Sotiris, 2020, p. 21]. По этой причине уже в текстах статей начала 1960-х годов (некоторые из них впоследствии вошли в сборник «За Маркса») Альтюссер выступил против экономикоцентричной парадигмы классической политической экономии, которая в свое время плавно перекечевала в марксистские определения первичности экономического базиса по отношению к политической надстройке. Опуская тот факт, что сам мыслитель в тот период все еще пытался представить собственную версию наиболее сциентистского видения основных положений марксист-

ма, фактическое значение его концепций исходило из критики марксистского понимания взаимоотношений между политикой и экономикой. В частности, альтюссеровская концепция сверхдетерминации (фр. *surdétermination*) изначально была им введена с целью методологической борьбы с самой по себе идеей универсального объяснительного принципа в области развития множественных линий внутри того или иного политического процесса [Альтюссер, 2006, с. 143–144]. Восприятие структуры экономического производства как своеобразной сущности любой политической системы, таким образом, оказывалась следствием философского эссенциализма, связанного с практикой приписывания устойчивых сущностей тем или иным совокупностям объектов, которая в свое время была ключевой составляющей классической политической экономии. В этом смысле сама идея экономической субстанциональности, выступающая в роли первопричины любых политических и социальных противоречий, согласно Альтюссеру, является противоположностью подлинно материалистического взгляда на политику как таковую.

Возможность внезапной политизации экономической сферы в совокупности с текущими условиями конъюнктуры фактически выступала в качестве базовой характеристики сверхдетерминации как понятия, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему процессу критики экономикоцентризма в политической теории. Стоит, однако, уточнить, что сам Альтюссер в тот период связывал данный аспект с гегелевским понятием абсолютного духа, экстраполяция характеристик которого в контексте теории соотношения политики и экономики и приводила к вульгаризации марксизма как теории истории.

В рамках развития экономикоцентричной парадигмы различные исследования связей между экономическим детерминизмом и историческим телеологизмом, который также являлся одним из главных объектов критики со стороны Альтюссера, в настоящее время демонстрируют наличие существенных мировоззренческих сходств между данными теоретическими установками. В частности, согласно исследованиям Л. Дюмона, экономическая идеология, берущая свое начало в трудах представителей французской школы физиократов, основывалась на практике восприятия самого закона природы в качестве верховного суверена, диктующего необходимость учреждения всех существующих институтов [Дюмон, 2000, с. 50]. Таким образом, в учении физиократов существовала идея естественного закона природы в виде глобальной телеологической установки, учреждающей единые правила структуры экономического порядка, который в этом же смысле рассматривался в качестве субстанции любого общественного состояния. Дальнейшая рецепция экономической идеологии в трудах различных сторонников классической политической экономии, стремящихся к обоснованию универсальной исторической теории прямой зависимости любых политических институтов от экономической системы производства и потребления, также касалась вопроса о телеологическом движении в сторону политики свободной торговли, прогрессивность которой никем из вышеупомянутых авторов не ставилась под сомнение.

Возвращаясь к альтюссеровской критике экономического детерминизма в политической теории, стоит подчеркнуть, что в период своих наиболее ран-

них сочинений сам мыслитель исходил из отрицания не столько экономикоцентризма самого по себе, сколько практики распространения его положений на всю человеческую историю в целом. По этой причине уже в тексте работы «Читать “Капитал”» (фр. Lire le “Capital”) Альтюссер предложил собственный вариант деконструированной версии марксистского исторического материализма, в рамках которой сами по себе способы производства рассматривались в виде дискретных структурированных целостностей, каждая из которых отныне обладала собственной спецификой изъятия и распределения прибавочного продукта [Althusser et al., 1997, p. 236]. Уникальность непосредственной связи между политикой и экономикой в период господства того или иного способа производства становилась в рамках альтюссеровского подхода исторически контингентной, что сам мыслитель прочно связывал с подлинно материалистическим взглядом на историю.

Другим направлением развития теории Альтюссера стало расширение его собственной материалистической теории политики, которая концентрировалась уже на критике не столько экономической интерпретации истории, сколько самого по себе универсального объяснительного принципа, способного к описанию любых конъюнктурных форм политического антагонизма. Уникальность отдельных ситуаций и исторических контекстов в этом смысле становилась подлинным источником политического столкновения друзей и врагов, каждый из которых отныне стремился к контролю над всей ситуацией внутри собственной конъюнктуры. Существование универсального и внеконъюнктурного объяснительного принципа того или иного политического события, таким образом, критиковалось Альтюссером по причине несоответствия данного хода мысли подлинно материалистскому взгляду на политический процесс, что в контексте политической теории было крайне распространенной практикой. В процессе поиска точек пересечения между различными материалистическими онтологиями второй половины XX в. стоит обратить внимание на философскую практику отрицания универсальных понятий, связанных с описанием всей существующей реальности, что, по словам российского исследователя А. С. Ветушинского, можно назвать антитеоцентризмом [Ветушинский, 2018, с. 41–42]. Ни Бог, ни экономика, ни даже сама материя отныне не могли использоваться в качестве ответа на все возможные вопросы. Оригинальным достоинством случайного материализма Альтюссера в данном вопросе являлась непосредственно политическая рецепция данного принципа в контексте критики политической теории, не отвечающей критериям подлинно материалистического мировоззрения. Данный аспект альтюссеровской критики, разумеется, не означал полного отказа от политической теории как от дисциплины, однако подразумевал необходимость ее серьезной методологической трансформации с целью максимальной конкретизации на уникальных особенностях каждой конкретной конъюнктуры. Таким образом, несмотря на то простое обстоятельство, что материалистическая интерпретация политического изначально возникла вследствие острейшего кризиса экономикоцентричной парадигмы, дальнейшее распространение ее базовых постулатов происходило уже за пределами критики чистой экономики. Не в последнюю очередь данное обстоятельство

заставило самого Альтюссера обратиться к классическим авторам в истории политической философии вроде Н. Макиавелли, учение которого и послужило основанием для дальнейшего развития его материалистического понимания политического.

Интерес к Макиавелли среди представителей французского академического сообщества долгое время практически полностью отсутствовал по причине общего критического отношения тогдашних французских философов к политической теории как к области знания. По свидетельствам Р. Арона, в первой половине XX в. вопросы политики вовсе игнорировались в среде профессиональных философов в связи с их концентрацией на максимально деполитизированных областях философского знания (вроде эпистемологии или философии математики) [Арон, 2006, с. 29–30]. Последующая политизация философского знания после Второй мировой войны во Франции способствовала возникновению интереса к крупнейшим фигурам в истории политической философии, к числу которых, очевидно, относился и Макиавелли. Так, одним из его первых французских интерпретаторов стал крупнейший представитель феноменологического движения М. Мерло-Понти, философские позиции которого ключевым образом повлияли на его гуманистическую трактовку того же «Государя». Также одним из крупнейших французских специалистов по творчеству Макиавелли стал политический теоретик К. Лефор, книга которого до сих пор по праву считается одним из наиболее подробных исследований политической мысли знаменитого флорентийца, сочетающим в себе как качества серьезного исторического труда, так и оригинальную интерпретацию отдельных положений макиавеллистской политики в духе антителеологического реализма (см. подробнее: [Lefort, 2012]). Впоследствии именно данный аспект работы Лефора ключевым образом повлиял на альтюссеровскую трактовку понятия политического, имеющую прямое отношение к философии Макиавелли, о чем свидетельствовал уже сам Альтюссер [Althusser, 1999, p. 3]. При всем этом нельзя не подчеркнуть, что все сочинения мыслителя, которые напрямую касались вопросов поиска набросков теории материалистической политики в работах Макиавелли, написаны в поздний период творчества Альтюссера (1970–1980-е годы), а тексты этого периода были опубликованы по большей части только после смерти философа в 1990 г. Среди работ Альтюссера, опубликованных при его жизни, единственной, посвященной творчеству знаменитого флорентийца, была лекция «Одиночество Макиавелли» (фр. *Solitude de Machiavel*), прочитанная в 1977 г. во Французской ассоциации политической науки (впервые текст лекции был опубликован на немецком языке в 1987 г.). Несмотря на данное обстоятельство, именно макиавеллистский аспект наследия Альтюссера в настоящее время остается наиболее востребованной темой среди профессиональных исследователей его политической философии, что также позволяет отдельным авторам рассматривать Альтюссера даже в большей степени как макиавеллиста, чем марксиста [Lahtinen, 2009, p. 307].

Так или иначе, исходным принципом материалистической интерпретации Макиавелли со стороны Альтюссера являлась теория конъюнктуры как точки пересечения различных политических ситуаций в режиме реального времени. Изолированность данной точки от единого временного отрезка, обозначенного

как всемирная история, рассматривалась Альтюссером на контрасте с гегелевским движением абсолютного духа, стремящегося к снятию (нем. *Aufhebung*) противоречий собственного отчуждения. Уникальные особенности конкретной конъюнктуры, внутреннее устройство которой оказывалось следствием случайной сборки (фр. *Agencement*) непредвиденного количества элементов, таким образом, вынуждали участников постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям собственной политической ситуации, исход которой напрямую никак не зависел от какого-либо универсального фактора (вроде структуры производственных отношений). Главное достижение Макиавелли в истории развития политической философии, согласно Альтюссеру, заключалось именно в конъюнктурном политическом мышлении, ориентированном на поиск решения конкретных задач, поставленных внутри замкнутого исторического контекста. В этом смысле отличительной чертой макиавеллизма становилась непосредственно философская практика разрыва с предшествующей традицией понимания политического, основанной на таких понятиях, как всеобщее благо и добродетель, что в свою очередь, привело к созданию нового типа политического знания, которое впервые в истории было основано на подлинно материалистском понимании человеческих взаимоотношений [Althusser, 2006, p. 172].

Оценивая общий характер альтюссерской интерпретации мысли Макиавелли, нельзя не подчеркнуть, что сам французский философ, очевидно, исходил из крайне специфического понимания материализма как онтологического учения, основанного на радикальной контингентности, что очевидным образом было направлено против исторического телеологизма философии Г. В. Ф. Гегеля. Подобным способом Альтюссер легитимизировал собственную альтернативную историю развития материалистической философии, восходящую отнюдь не к Гегелю или Фейербаху, но к таким мыслителям, как Эпикур, Гоббс, Спиноза, Хайдеггер и, разумеется, Макиавелли. Базовые характеристики случайного материализма (или же материализма столкновения), которые фактически и послужили отправной точкой для всей альтюссеровской критики политической теории, основывались на традиционном для всей тогдашней французской постструктуралистской философии антиэссенциализме. По справедливому замечанию В. Морфино, материалистический антиэссенциализм Альтюссера также ключевым образом базировался на примате онтологического хаоса над порядком вещей, что и выступало в качестве связующего звена его философской мысли с рядом учений его современников [Morfino, 2014, p. 94]. Обращение французского философа к столь неожиданным для материалистической аксиоматики фигурам, как Хайдеггер, также имело под собой намерение — использовать в отдельные положения его философской мысли в контексте создания собственной онтологии. Исходя из положения об отсутствии первоначала человеческого бытия как такового, Альтюссер интерпретировал *Dasein* в качестве единственной константы описания существующей реальности, действующей по аналогии с броском игральных костей, исходный результат которого остается до конца неопределенным [Lahtinen, 2009, p. 105]. Трансцендентальность случайных пересечений отдельных ситуаций внутри конкретной конъюнктуры позволяет, таким образом, полностью отвергнуть любые универсалистские те-

ории естественного обустройства мироздания, о чем действительно в своеобразной манере писал и сам Хайдеггер [Хайдеггер, 1997, с. 41–42].

Возвращаясь к макиавеллистской стороне случайного материализма, можно отметить, что случайная природа внутреннего устройства конкретной конъюнктуры все-таки не позволила Альтюссеру полностью отказаться от каких-либо общих понятий, связанных с проблематикой политической теории. Хорошим примером подтверждения данного тезиса является тот факт, что сам Макиавелли активно обращался к истории античного мира, стремясь познать собственный исторический контекст, основываясь на ряде схожих проблем и ситуаций, с которыми сталкивались те или иные обладатели истинной *virtù*. Другими словами, сравнительный анализ отдельных конъюнктурных признаков, повторяющихся в зависимости от условий отдельных исторических эпох, теоретически может действительно способствовать принятию наиболее эффективных решений для того политического субъекта, который, находясь внутри собственной конъюнктуры, стремится к захвату контроля над всей ситуацией в целом. В данном ключе нетрудно обнаружить значительные отличия альтюссерианского подхода к материалистической политике от ряда схожих по базовым характеристикам типов постструктуралистской философии, представители которых стремились к максимальному распылению субъективного начала в общем потоке определяющих констант (например, те же властные практики М. Фуко). Возвращение субъективного начала в альтюссерианской политической теории осуществлялось в несколько парадоксальном ключе — совокупность децентрированности и пустота господствующего положения становились имманентными характеристиками самого субъекта, стремящегося занять пустующее место в конъюнктуре, что фактически предполагало необходимость новой теории политической субъективности (в настоящее время данный аспект мысли Альтюссера продолжает в своих работах С. Жижек) (см. подробнее: [Жижек, 2014, с. 153]).

В современной политической теории, однако, не нашлось подходящего концепта описания процесса захвата отсутствующего места внутри конкретной конъюнктуры. В этом смысле процесс проработки концептуального аппарата альтюссерианской теории был продолжен рядом современных исследователей. В частности, итальянский философ С. Пиппа охарактеризовал данный феномен термином «политическая интерпелляция», связывая практику подчинения центра конъюнктурных изменений с теорией идеологии. Новые тенденции в современном философском знании способствовали формированию предпосылок для актуализации мысли Альтюссера, которую конкретно Пиппа наблюдает в характерном для альтюссерианской традиции антителеологизме, означающем на уровне базовой аксиоматики то, что конечный исход развития конъюнктурного процесса не имеет прямой связи с ее целевой причинностью, направленной на реализацию конкретного идеала [Pirra, 2015, p. 375–376]. Другими словами, каждая конкретная конъюнктура сама определяет, исходя из своей внутренней структуры, конкретные возможности собственной трансформации за счет столкновения ее внутренних акторов.

Однако, несмотря на данную особенность материалистической критики универсальных моделей политической субъективности, определенное количество

современных политических теоретиков, близких к данной мировоззренческой установке, все-таки пытаются создать единую модель современного политического субъекта, ориентированную на революционные формы протеста в постиндустриальных обществах. Речь в данном случае идет о концепции множества (лат. *multitude*), связанной с традицией итальянского операизма (А. Негри, П. Вирно и др.). Обращаясь к политической мысли Спинозы, Негри противопоставлял понятие множества, основанное на нестабильном сочетании различных сингулярностей, традиционному для политической теории Нового времени понятию народа (лат. *populus*), предполагающему жесткую стандартизацию в виде политического единства [Negri, 1991, p. 10]. Сам итальянский теоретик в данном случае анализировал современную протестную активность множества как совокупности самых различных социальных идентичностей, стремящихся к противостоянию объединенной власти государства и капитала в виде глобальной Империи. Пересечение альтюссерянского и делёзианского подходов в творчестве Негри фактически также предполагало практику материалистической критики традиционной политической теории, базирующуюся на примате единства над неопределенностью (правда, сам Негри чаще противопоставлял имманентный и трансцендентный подходы к пониманию задач политической борьбы). Следует отметить, что многие положения подобного политического спинозизма действительно имеют точки пересечения с материалистической теорией политики. Так, уже в тексте лекции «Одиночество Макиавелли» Альтюссер анализировал точку зрения Макиавелли на качественные характеристики нового государя, демонстрируя, что сам мыслитель склонялся скорее к коллективной форме государя как своеобразного ассамбляжа коллективных практик [Althusser, 1999, p. 120]. При всем этом материалистский подход Альтюссера, однако, исходил из максимальной конкретизации политического противостояния различных акторов внутри замкнутой конъюнктуры, внутреннее содержание которой зависит от случайного соединения самых различных детерминант на конкретном периоде истории. Таким образом, любая условная конъюнктура сама становится областью возможных случайностей, которые лишь в случае попадания сверхдетерминированного противоречия (то есть политического) в определяющую область способны оказать решающее влияние на весь итоговый процесс. Учитывая, что каждая конкретная конъюнктура сама является антагонистическим полем для возникновения новых форм антагонизма, ее качественные характеристики сами создают те или иные модели политических субъектов. Какие-либо устойчивые формы революционной коллективности, разумеется, могут повторяться в зависимости от условий различных конъюнктур, однако сама по себе практика планирования политических стратегий переустройства общества в этом смысле чревата неспособностью адаптации того или иного субъекта к изменяющимся условиям конъюнктуры, находящимся в постоянном становлении.

Одним из ключевых моментов в развитии современных материалистических онтологий, проблематика которых основывается в том числе на критическом анализе традиционного разделения научных областей (вроде различения общества и природы как предметов изучения), является критика антропоцентризма как эпистемологического приоритета человека в отношении изучения мира

вещей. В таком ключе под огнем критики новых материалистов оказалась вся структура современных гуманитарных дисциплин, к числу которых относится, несомненно, и политическая теория. Учитывая то обстоятельство, что еще со времен античности человек традиционно имел статус политического животного, который отсутствовал у нечеловеческих существ, политическая теория как дисциплина подверглась жесткой критике со стороны сторонников философской практики уравнивания всех участников (или объектов) единой сети друг с другом. Так, создатель объектно ориентированной онтологии Г.Харман настаивает на лженаучности политической теории как области знания в связи с ее антропоцентричным характером, не учитывающим влияние нечеловеческих объектов на весь итоговый политический процесс [Харман, 2021, с. 250–251]. Стоит, однако, уточнить, что политические взгляды самого Хармана, которые он в рамках своей философской системы пытается напрямую связать с экологической политикой, не имеющей непосредственного отношения к деятельности конкретных индивидов и групп, демонстрируют крайне слабую концептуальную проработку политического аспекта использования положений его объектно ориентированной онтологии. Бесполезность практики уравнивания элементов живой и неживой природы с человеком как с главным объектом политической теории в контексте возможностей решения новых дисциплинарных проблем в данном случае, на наш взгляд, становится очевидной.

Схожих воззрений на необходимость максимальной экологизации и техницизации политического знания придерживается и крупнейший современный социолог Б.Латур, являющийся создателем небезызвестной акторно-сетевой теории (АСТ). Опуская вопрос о революционных достижениях сторонников АСТ в области эпистемологии и методологии истории науки, нельзя не заметить, что латуровское определение социального как процесса постоянной сборки акторов единой сети, включающей в себя как людей, так и многочисленное число неорганических объектов (технологий, машин, тканей, красок и т.д.), просто-напросто растворяет политическое в общем потоке плоскости мира вещей. Чтобы вписать политическую составляющую как объективное свойство существующей реальности в собственную систему, Латур и вовсе определяет политику как поступательное построение общего мира сборок природы и общества [Латур, 2014, с. 350]. А на страницах своей работы «Политики природы» он и вовсе пишет о необходимости замены политической философии политической эпистемологией как формой политики теории, что также обосновывается материалистической составляющей [Латур, 2018, с. 88–89].

На контрасте с подобными вариантами радикального антиантропологического материализма альтюссеровский случайный материализм полностью концентрируется на политических вопросах как на практике антагонистических столкновений между политическими врагами, исход сражения между которыми зависит исключительно от изменяющихся в режиме реального времени условий конъюнктуры. Таким образом, именно принятие решения (лат. *decisio*) со стороны того или иного политического субъекта внутри конкретной конъюнктуры является одним из ключевых критериев успеха стратегии подчинения всей ситуации своей воле. Сближение позиций Луи Альтюссера и Карла Шмитта, свя-

занных общей проблематикой понимания политического, дает возможность использовать термин «материалистический децизионизм» в качестве подлинной характеристики альтюссерианского подхода к сочетанию политической теории и материалистической философии, которые оказываются друг с другом неразрывно связанными. Единство и дополнение — данные качества отличают материалистическую критику политической теории со стороны Альтюссера от остальных направлений нового материализма. Даже если не принимать во внимание многочисленные тезисы сторонников данной парадигмы, направленные на отрицание политической теории, альтюссерианство все равно остается одним из направлений в современной политической теории, сторонники которого всячески стремятся к обновлению концептуального аппарата изучения политики.

Литература

- Альтюссер Л.* За Маркса. М.: Праксис, 2006. 392 с.
- Арендт Х.* Разговор с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью. Октябрь 1964 г. // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. С. 3–23.
- Арон Р.* Пристрастный зритель. М.: Праксис, 2006. 416 с.
- Батай Ж.* Базовый материализм и гностицизм. 2020. URL: <https://spacemorgue.com/base-materialism/> (дата обращения: 02.02.2022).
- Ветушинский А. С.* Во имя материи: Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 158 с.
- Дюмон Л.* Ното aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: NOTA BENE, 2000. 240 с.
- Жижек С.* Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
- Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории. М.: Госполитиздат, 1960. 192 с.
- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
- Латур Б.* Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
- Маркс К.* К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. 272 с.
- Михайловский А. В.* Борьба за Карла Шмитта // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 158–171.
- Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 256 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 447 с.
- Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
- Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
- Шумпетер Й.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 400 с.
- Almond G. A.* Political Theory and Political Science // The American Political Science Review. 1966. Vol. 60, no. 4. P. 869–879.
- Althusser L.* Machiavelli and Us. London; New York: Verso, 1999. 136 p.
- Althusser L.* Philosophy of the Encounter. Later Writings, 1978–87. London; New York: Verso, 2006. 299 p.
- Althusser L., Balibar É., Rancière J., Etambale R., Macherey P.* Reading Capital. The Complete Edition. London; New York: Verso, 1997. 439 p.
- Lahtinen M.* Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism. Leiden; Boston: Brill, 2009. 327 p.
- Lefort C.* Machiavelli in the Making. Evanston; Illinois: Northwestern University Press, 2012. 512 p.

Morfino V. *Plural Temporality: Transindividuality and the Aleatory Between Spinoza and Althusser*. Leiden, NLD: Brill, 2014. 187 p.

Mouffe C. *On the Political*. London; New York: Routledge, 2005. 144 p.

Negri A. *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. 367 p.

Pippa S. *Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of "Political Interpellation"* // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*. 2015. Vol. 31, iss. 3. P.363–379.

Sotiris P. *A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser*. Leiden; Boston: Brill, 2020. 558 p.

Strauss L. *Thoughts on Machiavelli*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1958. 348 p.

The Challenge of Carl Schmitt / ed. by Mouffe C. London; New York: Verso, 1999. 212 p.

Ребров Сергей Александрович — аспирант; naruto639@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 4 февраля 2022 г.;

рекомендована к печати: 15 февраля 2022 г.

Для цитирования: Ребров С.А. Материалистическая критика политической теории Луи Альтюссером // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18, № 2. С. 199–214. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.206>

LOUIS ALTHUSSER'S CRITIQUE OF THE POLITICAL THEORY

Sergey A. Rebrov

St Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; naruto639@mail.ru

The article analyzes various projects of hybridization of materialism and political theory in one conceptual system. Special attention is paid to the critical analysis of the phenomenon of economic materialism of the 19th century, which for a long time remained the only example of a materialistic analysis of politics. The subsequent development of materialism that became a new limit of economic determinism, put new problems in the context of the capabilities of materialistic policy. The author proposes to follow the argument of the French philosopher Louis Althusser as a philosophy of aleatory materialism created by the thinker himself, including to substantiate the variations of materialistic understanding of the political. The article consistently disassembled the prerequisites for the crisis of the Marxist economic interpretation of history, which, at the original stage of its own formation, had extremely few common with philosophical materialism. The further struggle of new materialists with the idea of a universal explanatory principle ultimately allowed them to create a new type of philosophical knowledge that is not related to the idea of universal history. The focus in this case is chained to the political aspect of Althusser's Materialism regarding the theory of conjuncture as a genuine object of any materialistic politics. Finally, the author compares aleatory materialism with a number of other directions of post-modern materialistic ontology, whose representatives direct their own criticism towards the anthropological component of the political theory, which, however, leads to the denial of this discipline in principle. Thus, it is Althusserianism that in couple with Schmitterism, are the only examples of a successful project to create a materialistic theory of politics.

Keywords: materialism, aleatory materialism, political theory, contingency, economism, Marxism, Althusser, Althusserianism, political.

References

Almond G.A. *Political Theory and Political Science*. *The American Political Science Review*, 1966, vol. 60, no. 4, pp. 869–879.

Althusser L. *For Marx*. Moscow: Praxis Publ., 2005. 392 p. (In Russian)

Althusser L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. 136 p.

- Althusser L. *Philosophy of the Encounter. Later Writings, 1978–87*. London; New York: Verso, 2006. 299 p.
- Althusser L., Balibar É., Rancière J., Establet R., Macherey P. *Reading Capital. The Complete Edition*. London; New York: Verso, 1997. 439 p.
- Arendt H. Conversation with Günther Gaus. Television interview. October 1964. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2013, no. 12, pp. 3–23. (In Russian)
- Aron R. *The Committed Observer*. Moscow: Praksis Publ., 2006. 416 p. (In Russian)
- Bataille G. *Basic materialism and Gnosticism*, 2020. Available at: <https://spacemorgue.com/base-materialism/> (accessed: 02.02.2022). (In Russian)
- Dumont L. *Homo aequalis. The genesis and triumph of economic ideology*. Moscow: NOTA BENE Publ., 2000. 240 p. (In Russian)
- Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*. Moscow: Ad Marginem Press, 2021. 272 p. (In Russian)
- Heidegger M. *Being and Time*. Moscow: Ad Marginem Press, 1997. 447 p. (In Russian)
- Labriola A. *Essays on the Materialistic Conception of History*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1960. 192 p. (In Russian)
- Lahtinen M. *Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism*. Leiden; Boston: Brill, 2009. 327 p.
- Latour B. *Politics of Nature – How to bring the sciences into democracy*. Moscow: Ad Marginem Press, 2018. 336 p. (In Russian)
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE University Publ., 2014. 384 p. (In Russian)
- Lefort C. *Machiavelli in the Making*. Evanston; Illinois: Northwestern University Press, 2012. 512 p.
- Marx K. *Contribution to the Critique of Political Economy*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1949. 272 p. (In Russian)
- Mikhailovsky A. V. Fight for Karl Schmitt. *Voprosy filosofii*, 2008, no. 7, pp. 158–171. (In Russian)
- Morfino V. *Plural Temporality: Transindividuality and the Aleatory Between Spinoza and Althusser*. Leiden, NLD: Brill, 2014. 187 p.
- Mouffe C. *On the Political*. London; New York: Routledge, 2005. 144 p.
- Negri A. *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. 367 p.
- Pippa S. Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of "Political Interpellation". *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2015, vol. 31, iss. 3, pp. 363–379.
- Rosanvallon P. *Utopian Capitalism: A History of the Idea of the Market*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 256 p. (In Russian)
- Schmitt C. *The Concept of the Political*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 568 p. (In Russian)
- Schumpeter J. A. *Ten Great Economists from Marx to Keynes*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2011. 400 p. (In Russian)
- Sotiris P. *A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser*. Leiden; Boston: Brill, 2020. 558 p.
- Strauss L. *Thoughts on Machiavelli*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1958. 348 p.
- The Challenge of Carl Schmitt*, edited by Mouffe C. London; New York: Verso, 1999. 212 p.
- Vetushinsky A. S. *In the name of matter: Critical and metaphysical studies*. Perm: Gile Press Publ., 2018. 158 p. (In Russian)
- Žižek S. *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANHiGS Publ., 2014. 528 p. (In Russian)

Received: February 4, 2022

Accepted: February 15, 2022

For citation: Rebrov S. A. Louis Althusser's critique of the political theory. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 199–214. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.206> (In Russian)